

**АБСУРД ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ В РОМАНЕ
РОБЕРТА МУЗИЛЯ «ЧЕЛОВЕК БЕЗ СВОЙСТВ»****А. С. Пономарева***Воронежский государственный университет*

Поступила в редакцию 27 ноября 2015 г.

Аннотация: *статья посвящена проблеме абсурда человеческого бытия в романе Роберта Музиля «Человек без свойств» (1942). Категория абсурда предстает фундаментальной характеристикой человеческого бытия и раскрывается в дихотомии сна и бодрствования.*

Ключевые слова: *абсурд, бодрствование, действие, модернизм, сон, пассивность, экзистенция.*

Abstract: *the paper is devoted to problem of the absurdity of human existence in the novel «The Man without Qualities» by Robert Musil (1942). The category of absurd presents as fundamental characteristic of the human being and revealed through the dichotomy between sleeping and waking.*

Key words: *absurd, waking state, modernism, sleeping state, passivity, existence.*

Одной из ключевых проблем, которые в XX в. оказываются в фокусе рассмотрения западных интеллектуалов, стала бессмысленность человеческого существования. И хотя абсурд в той или иной его форме фиксировался произведениями культуры и литературы с древнейших времен, в качестве фундаментальной характеристики эта проблема обозначила себя именно в указанный период. Как представляется, это связано с тем, что на протяжении XX в. человек утверждает не просто утрату жизненных смыслов своего бытия, но и обреченность любого их поиска, и в связи с этим максимально полно и остро переживает захваченность абсурдом.

Распад империй, буржуазные и социалистические революции, становление тоталитарных режимов, Первая и Вторая мировые войны, изменения в экономике, политике, культуре побудили философов перевернуть вопрос о человеке таким образом, чтобы само его существование стало рассматриваться как проблема. Важнейшие характеристики смысла, а именно его мотивированность, целесообразность и планомерность [1, с. 230] размываются и исчезают из бытия человека. Чувство абсурда, ранее присутствовавшее в большей степени как укорененное в сознании социально-экономическое и политическое недовольство, теперь приобрело черты экзистенциальной протестности. На фоне того, как терминологический аппарат философа двадцатого столетия постепенно разрастался за счет таких понятий, как «Страх» или «Отчуждение», ситуация нарушения смысла также требовала для себя определенной дефиниции, в качестве которой вскоре было принято понятие абсурда, предложенное

и впервые описанное как экзистенциальная категория Альбером Камю в его эссе «Миф о Сизифе» (1942).

Для Альбера Камю абсурд – это ситуация нарушения смысла, которая возникает в сознании человека, познающего мир в терминах сравнения. «...У меня есть все основания сказать, что чувство абсурдности рождается не из простого исследования факта или впечатления, но врывается вместе со сравнением фактического положения дел с какой-то реальностью, сравнением действия с лежащим за пределами этого действия миром. По существу, абсурд есть раскол. Его нет ни в одном из сравниваемых элементов. Он рождается в их столкновении» [2, с. 39]. Таким образом, уже у Камю абсурд получает толкование как акт сознания, фиксирующий противоречия реальности.

Однако еще до того, как абсурдизм в качестве стройной философской концепции был описан Камю, ситуация потери смысла нашла свое отражение в литературе. Среди авторов, ясно обозначивших, какую роль категория абсурда играет в отношении человека к миру, особенно выделяется Роберт Музиль (1880–1942). Время написания его *opus magnum*, двухтомного романа «Человек без свойств», – 1921–1942 гг.

Предваряя изложение романа, будет уместно заметить, что «Человек без свойств» принадлежит к одним из самых известных и влиятельных произведений в русле литературного направления «модернизм». Писатели-модернисты стремились отразить мироощущение среднего человека своей эпохи, который переживал утрату традиционных ценностей и которому приходилось существовать в условиях перманентного духовного кризиса. Европа с ее просветительскими проектами и либеральными идеалами после всех кровопролитных событий начала XX в. оказалась вынуждена признать наличие некой червоточины в воззрениях философов на сущность и предназначение человека. Вот что по этому поводу Музиль пишет в эссе «Нация как идеал и действительность»: «Я думаю, что пережитое с 1914 года научило многих, что человек с этической точки зрения – это нечто почти бесформенное, неожиданно пластичное, на всё способное. Доброе и злое колеблется в нем, как стрелка чувствительнейших весов. Предположительно в этом смысле всё станет еще хуже...» [3].

Герой романа – человек без идеологии, сам так отзывающийся о своем кредо: «Можно делать что угодно. В такой сумятице сил это не имеет ни малейшего значения» [4, с. 12]. Ульриху 32, и повествование застаёт его в тот момент времени, когда он в который раз не может утвердить себя в мире. Сначала он бросает воинскую службу, потом разочаровывается в инженерном деле, и в конце концов фиаско терпит его карьера математика. Близится переживание абсурда, несовпадение мечты героя с действительностью описано в следующем пассаже: «Он ожидал, что взойдет на арену потрясающих мир приключений, и вдруг увидел, как на широкой пустой площади буянит пьяный молодой человек, которому отвечают одни лишь камни» [4, с. 40].

Обозначить настроения эпохи Музилю помогает такой сюжетный ход, как изложение письма отца Ульриха, где утверждается начало так на-

зываемой «параллельной акции», которая имеет целью «запечатлеть в памяти мира» 70-летие вступления на престол австрийского императора Франца Иосифа I. Действие переносится в дом начальника отдела Туцци из министерства иностранных дел и императорского дома, супруга которого приходится Ульриху кузиной. Сверхзадачей комитета «параллельной акции» объявляется поиск национальной идеи, достойной их «миролюбивого» императора, постепенно к этой кампании приобщаются новые персонажи: граф Лейнсдорф, промышленник Арнгейм, полковник Штумм, бывшая возлюбленная Ульриха Бонадея, в какой-то степени также домашние слуги, Рахиль и Солиман. Периодически история подготовки к празднованию юбилея кайзера прерывается повествованием о жизни друзей Ульриха, супружеской пары Вальтера и Клариссы. Последняя захвачена идеями избранности и мессианства, и ее нищепанские устремления изображаются Музилем в сатирическом ключе. В систему авторских координат, где кривая абсурда растет прямо пропорционально рационалистической тяге перевернуть мир, органично вписана также история суда над убийцей Моосбругером, представляющая собой еще один узловой пункт для исследования. Второй том сосредотачивается на вскрытии истинных мотивов вовлеченных в «параллельную акцию» персонажей, а также по большей части описывает отношения Ульриха и его сестры – духовного близнеца – Агаты.

Вскрытие абсурдных противоречий мира начинается уже с описания государственного устройства страны, которую Музиль вывел под названием Какания. Какания – это сокращение от двух определений Австрии, «Кайзерско-Королевская» и «Кайзерская и Королевская», причем в романе подчеркивается, что эти определения не взаимозаменяют друг друга, и только большие специалисты по бюрократии в силах разобраться, когда следует писать «Кайзерско-Королевская», а когда – «Кайзерская и Королевская». Такое замечание имеет реальную подоплеку: венгры того времени, например, считали, что эпитет «Кайзерско-Королевская» для учреждений, находящихся на исконно венгерских землях, не отражает их автономии, отсюда обостренное внимание к точности формулировок. Добрая старая Какания, по меткому замечанию Музиля, управлялась лучшей в мире бюрократией. Парадоксы в устройстве и функционировании Какании описываются следующим образом: «Она была по своей конституции либеральна, но управлялась клерикально. Она управлялась клерикально, но жила в свободомыслии. Перед законом все граждане были равны, но гражданами-то были не все. Имелся парламент, который так широко пользовался своей свободой, что его обычно держали закрытым»; «В этой стране поступали – доходя порой до высших степеней страсти и ее последствий – всегда иначе, чем думали, или думали иначе, чем поступали» [4, с. 37–38].

Несмотря на явственное звучание декадантских мотивов, рука об руку с которыми идет и тема абсурда, отнюдь не все персонажи романа интенсивно переживают ситуацию бессмысленности, вернее, они стараются гнать от себя прочь ощущение неустроенности, неукорененности в

мире. В этой связи интересно провести параллель с философским различием между существованием и бодрствованием. Их толкование находим, например, у Освальда Шпенглера, который пишет: «Существование имеет ритм и направление, бодрствование представляет собой напряжение и протяженность» [5, с. 11]. И хотя в концепции Шпенглера эти понятия нагружены совершенно своим, особенным, смыслом, в этой статье нас интересует само их выделение и шпенглеровское утверждение о том, что человеческое бодрствование представляет собой напряженность между телом и миром.

В попытке дать какую-то значимую характеристику той форме жизни, которую ведут его персонажи, Музиль бодрствованию, иначе – действию, противопоставляет сон, иначе – бездействие. Характеристика «бодрствование» напрямую связана с напряженным переживанием жизни, она присуща персонажам, которые ежесекундно сознают свое бытие, и их потому острее мучают проклятые вопросы. В главе «Два дерева жизни и требование учредить генеральный секретариат точности и души» Ульрих так описывает свою открытость миру: «Листья и ветки этого дерева колыхались с тех пор на поверхности, но само оно не показывалось, и только по таким признакам и было видно, что оно все-таки еще существует» [4, с. 733]. Эта латентная сторона ульриховского существования оказывает подавляющее влияние на деятельную половину. В дополнение к этому Ульрих убежден, что следует жить не как живой человек, а словно персонаж книги, «от которого отброшено всё несущественное, чтобы остальное магически сомкнулось» [4]. В итоге главному герою никак не удается соединить два пути, и этот распад внутреннего единства приводит к затянувшемуся нравственному застою.

Представляется убедительным, что дихотомия действия и бездействия строго и последовательно отражена на уровне системы действующих лиц, вплоть до второстепенных персонажей. Одна из принадлежащих этому кругу героинь, подруга Ульриха по имени Леонтина, примечательна в плане того, что ведет совершенно бессмысленную с точки зрения мыслящего существа жизнь, заполненную разными нелепыми поступками, в которых причины меняются местами со следствиями, и масштаб целей оказывается несоизмеримым со способами их достижения. Леона исполняет песни со сцены, но совершенно не чувствует стихии искусства пения, передавая и трагические, и игривые чувства одинаково заученными нотами. Сама женщина совершенно не понимает, насколько недостойно ее занятие, Леонтина убеждена, что «первая певица императорской оперы делает в точности то же, что и она» [4, с. 24]. Из всех жизненных инстинктов в ней наиболее силен инстинкт питания, и даже поклонников она заводит потому, что любит «сидеть в садике в какой-нибудь маленькой кондитерской, и, чинно поглядывая на прохожих, есть ложечкой мороженое» [4, с. 23]. Гротескный образ открывает галерею лиц, одержимых физическими и нравственными пороками и объединенных неспособностью к действию. Заветная мечта Леоны далека от карьерной или супружеско-семейной плоскости, пред-

мет ее мечтаний – это кавалер, связь с которым позволила бы ей сидеть «в фешенебельной позе над фешенебельной карточкой кушаний в фешенебельном ресторане» [4, с. 25]. Ульриху связь с ней напоминает вырванный листок, и глава заканчивается описанием жизни, которая как будто бы «приняла снотворное да так и застыла в оцепенении, полная внутренней связи и все-таки ужасно бессмысленная» [4, с. 27].

Про другого значимого персонажа, промышленника Арнгейма, сказано, что он представлял в едином лице всё то, чем другие владеют порознь. С одной стороны, Арнгейм хорошо образован, говорит на пяти языках и может легко расположить к себе людей из разных профессиональных и социальных сфер. Музиль раскрывает секрет его успеха: поверхностные знания из разных областей льстят людям науки и искусства, и они благожелательно воспринимают этого увлеченного дилетанта. С другой стороны, энтузиазм Арнгейма имеет и свою темную сторону: «без философии вредить другим людям отваживаются сегодня только преступники» [4, с. 234], и другие коммерсанты видят в Арнгейме искусного проводника принципов «свободной экономики», который привносит в сферу дельчества некий идеализм. У Ульриха это сочетание ума, меркантильности, благополучия и начитанности вызывает антипатию. В свою очередь Арнгейм догадывается, что при случае его соперник может пожертвовать не только процентами своей души, но и всем капиталом, что заставляет его мучиться от сознания собственной несостоятельности. Разлад между занятиями промышленника и его внутренней сущностью не переходит у Арнгейма, однако, в какое-то по-настоящему тяжелое переживание, и Ульрих чувствует, что «было какое-то жульничество в этом соединении цены на уголь и души» [4, с. 344]. Ситуация абсурда здесь складывается также вокруг того, что такой человек, как Арнгейм, прямым образом заинтересованный в развязывании войны, является достаточно читаемым в Какании литератором и в своих книгах, разумеется, превозносит идеалы гуманизма и нравственности. Совмещение противоречивых тенденций и общее предчувствие катастрофы рождает у Ульриха вполне закономерный вопрос: не является ли в такой сумятице сил бездействие предпочтительнее действия?

Представляется справедливым, что общая пассивность музильевских персонажей в романе вызвана как раз благоговением перед рациональностью, «у великих душ, – как иронично замечает автор, – есть потребность в законности» [4, с. 620–621]. Отсюда и невозможность для Арнгейма и Диотимы совершить фактическую супружескую измену. Во время разговора об освещении темы супружеской неверности в литературе, например, Диотима сетует на то, что проблема эта подается чисто сенсуалистски, без «понимания великого смысла порядочности, самоотречения, героического аскетизма» [4, с. 620]. В то же время читатель хорошо помнит начальное замечание автора относительно внутреннего мира героини: ее духовность – не что иное, как расширившееся честолюбие. И если рассматривать эту особенность ее характера в качестве главной, опять всплывает проблема рационального обоснования: бездействие, это суще-

ствование на грани сна и бодрствования, объясняется, во-первых, ксенофобными интенциями (у Арнгейма прусское происхождение, в связи с чем замечается: «Рядом с любимым человеком летела она по небу новых почестей, но небо это было неприятной прусской голубизнь» [4, с. 522]), во-вторых, приверженностью старому миру разлагающейся империи с его некогда богатой и разнообразной культурой. «Человек без свойств» – роман, в котором практически нет действия, но зато дано музилевское видение причин создавшегося положения. О Диотиме сказано, что душа в ее теле была беспомощна. И это же высказывание можно применить к каждому из выведенных Музилем персонажей.

Обладание душой для героев – всё равно что инициация к действию, а это чревато необходимостью нести ответственность. Позднее об этом напишет Сартр: «...Человек, будучи осужденным на свободу, несет весь груз мира на своих плечах; он ответствен за мир и за самого себя в качестве способа бытия. Мы берем слово "ответственность" в его обычном смысле, как "сознание быть неоспоримым автором события или объекта". В этом смысле ответственность для-себя является тягостной, поскольку оно (для-себя) есть то, посредством чего существует мир, и поскольку оно есть также то, что делает себя бытием, какой бы ни была ситуация с ее коэффициентом враждебности, даже невыносимым; оно должно принять на себя эту ситуацию с гордым сознанием того, что является ее автором, так как самые худшие неудобства, самые худшие опасности, которые могут угрожать моей личности, имеют смысл только через мой проект; именно на основе моей ангажированности, которой я являюсь, они появляются» [6, с. 557–558]. Ситуация напряженного переживания жизни, неизбежно влекущая за собой захваченность абсурдом и необходимость для рационального сознания вновь наладить контакт с миром получает интересное решение в сюжетной линии Моосбругера. Его фигура в большей или меньшей степени привлекает всех персонажей романа. С одной стороны, этот факт можно рассматривать как воплощение подавленных инстинктов жителей империи, с другой стороны, если анализировать этот вопрос с точки зрения дихотомии действия и бездействия, то Моосбругер – «дикая, плененная вызывающего страх действия» [4, с. 659], которая вызывает у жителей Какании отвращение и одновременно манит их. Его нож не преминули выставить в качестве экспоната на юбилейной выставке, и одна из героинь кричит: «Смотрите, вот нож Моосбругера!» – и смотрит на него с таким восторгом, словно «роясь в ящичке, обнаружила там первый бабушкин орден за котильон» [4, с. 550].

Знаки абсурда – важная часть механизма, позволяющего отличить подлинное существование от неподлинного. Они же помогают отвлечься от представления о мире как о разумно организованном целом, где для человека заранее определена какая-то более-менее смыслоносущая функция. Сам по себе абсурд представляет собой только симптом экзистенциальной несостоятельности, и для того чтобы изжить абсурдное мироощущение, не существует готовых рецептов, несмотря на то, что захваченность абсурдом может иметь разрушительные последствия и для

личности, и для всего общества. Сущность абсурда глубоко укоренена в осознании человеком своего Я, в убеждении, что если между «плохим» для человека и «хорошим» для человека всегда выбирать только «хорошее», жизнь обретет некий смысл и наградой послужит обретение человеком своего места в мире. Однако такого рода рациональные убеждения часто влекут за собой разочарование, ведущее к вере человека в то, что, выражаясь языком героя Музиля, «мир находится против него в заговоре». Роберт Музил в своем романе «Человек без свойств» работает с понятиями смысла и бессмыслицы, неподвижности и движения, пассивности и активности. В этой модели мира есть место и для абсурда, в контексте всего XX в. он прочитывается одновременно как необходимость действовать и невозможность всякого действия (конструирование смысла обречено на бессмыслицу, «параллельная акция» оборачивается подготовкой к войне). На уровне отдельного индивида категории сна и бодрствования имеют прямое отношение к осознанию ситуации абсурда. Экзистенциальное пробуждение происходит тогда, когда человек узнает в своем бытии знаки абсурда, и для этого его бодрствование должно характеризоваться достаточным уровнем напряженности. Сам по себе абсурд как нечто, через что человек может обрести подлинное существование, представляется достаточно жестоким феноменом, сопряженным с такими понятиями, как шок, страдание, сумасшествие, смерть. Но его спутники не должны заслонять от нас настойчивой необходимости трезво оценивать роль этого предельного переживания в человеческом бытии, продолжать поиски онтологических оснований абсурда и рассматривать его в одном ряду с другими существенными отношениями действительности.

Литература

1. *Кравец А. С.* Теория смысла Ж. Делёза: pro и contra / А. С. Кравец // Логос. – 2005. – № 4 (49). – С. 211–241.
2. *Камю А.* Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство / А. Камю. – М. : Политиздат, 1990. – 415 с.
3. *Robert Musil.* Die Nation als Ideal und als Wirklichkeit. – Zugriffsmodus. – Mode of Access: <http://gutenberg.spiegel.de/buch/essays-6938/1>
4. *Музиль Р.* Человек без свойств / Роберт Музиль ; [пер. с нем. С. Апт]. – Т. 1. – СПб. : Амфора, 2013. – 831 с.
5. *Шпенглер О.* Закат Европы : очерки морфологии мировой истории / О. Шпенглер. – Минск : Попурри, 2009. – Т. 2 : Всемирно-исторические перспективы. – 697 с.
6. *Сартр Ж. П.* Бытие и ничто : Опыт феноменологической онтологии / Ж. П. Сартр. – М. : Республика, 2000. – 639 с.

Воронежский государственный университет

Пономарева А. С., магистр кафедры онтологии и теории познания

E-mail: As-ponomareva@yandex.ru

Voronezh State University

Ponomareva A. S., Master Student of the Ontology and Theory of Knowledge Department

E-mail: As-ponomareva@yandex.ru